

Лин Шу вздрогнул, когда горячая ладонь скользнула по его бедру, поднимаясь всё выше и неумолимо отвоёвывая дюйм за дюймом. Тело забила неудержимая дрожь, а голос сорвался на прерывистый шепот:

— Не надо... постой... Я... не хочу тебя...

Ян Е проигнорировал вялое сопротивление. Его ладонь уверенно скользнула под тонкое нижнее платье, властно и крепко сжав его плоть.

— Отчего же не хочешь? — тихо хмыкнул он. — Господин судья, вы ведь уже сами не свой. К чему теперь эта бесполезная борьба?

«Всё равно ведь не ради меня блюдешь целомудрие. Глупо упускать такую возможность».

Лин Шу глухо застонал. Силы окончательно покинули его. Попытавшись опереться о резное изголовье кровати, он не удержал равновесия и больно ударился виском об один из столбиков.

Ян Е вздрогнул от неожиданности и поспешно поднял голову. Откинувшись назад, Лин Шу прижимал рукав к ушибленному лбу; растрепавшиеся черные волосы скрывали лицо, мешая разглядеть его выражение. В груди Ян Е что-то дрогнуло. Подобрал с пола глиняную чарку, он точным щелчком швырнул её в сторону стола — единственный фитиль погас, и комната мгновенно погрузилась во тьму.

В тишине воцарился полумрак. Ночь дышала дурманом и соблазном. Не воспользоваться этим моментом было бы чистым кошунством — предки рода Ян в гробу бы перевернулись от такой нерешительности.

— Господин судья, свет погас, — шепнул Ян Е. — Бросьте вы это дерево, оно же ледяное. Разве сравнится оно с живым телом? А ну-ка, обопритесь лучше на меня.

Он нащупал ладони Лин Шу и бережно потянул их к своим плечам. Но едва пальцы того коснулись его кожи, как мертвой хваткой вцепились в плечевые суставы. Боль была такой резкой, словно ему решили сломать ключицы.

Ян Е согнулся и сдавленно прошипел:

— Помилосердствуйте, братец, полегче!

Хватка мгновенно ослабла.

— Прости... — едва слышно донеслось из темноты. — Я не нарочно.

— Ничего, пустое, — примирительно отозвался Ян Е.

Вглядываясь во тьму, он видел лишь зыбкий силуэт, всё так же сиротливо жмущийся к деревянным столбикам. Ян Е придвинулся ближе, почти утыкаясь носом в его грудь.

— Хотите, господин судья... я прочту вам стихи?

Не дожидаясь ответа, он вкрадчиво зашептал:

— Красой утонченной сияет твой лик,

И флейту послушную славит язык.

Два спелых кизила пред взором сплелись,

В чарующем сне нежный персик сорви.

Стебель бамбука роняет росу,

К бутону прильнуть я, склонившись, спешу.

В чертогах правителя Чу сгинул след,

Лишь ветер уносит лазоревый свет...

Ну как, Лин-дажэнь, уловили скрытый смысл?

Лин Шу хранил молчание — то ли не расслышал, то ли не понял ни слова. Ян Е тихонько рассмеялся:

— Что же, тогда я объясню наглядно. «Два спелых кизила пред взором сплелись...»

Его пальцы ласково скользнули по обнаженной груди Лин Шу, очерчивая круги, слегка надавливая на соски.

— «В чарующем сне нежный персик сорви...» — ладонь опускалась всё ниже, лаская разгоряченную плоть. Движения Ян Е походили на игру искусного музыканта на пипе: он то замирал, то ускорял темп, точно зная, где потянуть струну слабее, а где ударить резче. — «Стебель бамбука роняет росу, к бутону прильнуть я, склонившись, спешу...» Ну же, господин судья, неужели вам до сих пор не ясно?

Лин Шу молчал, лишь его рваное, частое дыхание выдавало бурю внутри: жгучее вожеление смешалось со слепым, паническим страхом. Ян Е приник к его груди, прислушиваясь к бешеному, сбивающемуся с ритма стуку сердца. Всякая корысть из его мыслей вдруг улетучилась, уступив место неожиданной нежности и жалости.

«Лин Шу, глупенький, не бойся. Просто доверься мне, я всё сделаю сам. Ты останешься доволен. Князь Хуай хотя бы в эту ночь готов исполнить любой твой каприз. Пусть ты и... Эх, ладно, чего уж там».

Ян Е горько усмехнулся про себя. По твоей милости меня секли плетью, пытали раскаленным

железом, зашивали в проклятое Нефритовое одеяние с золотыми нитями. Моя спина исполосована шрамами, на груди красуются ожоги, плечо рассечено мечом, под лопаткой — след от стрелы... На моем теле нет живого места, и к каждой из этих ран ты приложил руку. Но сейчас... сейчас я прощаю тебе всё. До единой царапины.

Он заставил себя умолкнуть, заглушив обиду. Тихий вздох растворился в темноте, сменяясь влажным шелестом ласк и тихими, прерывистыми стонами. Лин Шу кружился в этом водовороте, словно плыл против бурного течения, силясь вскарабкаться на вершину. Перед его мысленным взором расцветал неведомый сад, полный дивных ароматов; веял прохладный ветер, тихо журчали горные ручьи. Тропинка туда была узкой и тернистой, но искушение манило с такой силой, что он готов был разбиться, лишь бы достичь этой заветной вершины.

Когда сознание наконец взорвалось ослепительной вспышкой, Лин Шу показалось, что он воспарил к небесам. Обессилев, он подался вперед и рухнул на плечо Ян Е. Тот едва удержал обмякшее, пышущее жаром тело. Влажный от пота лоб Лин Шу уткнулся ему в лопатку.

«Слабак. Так быстро сдался. Ну, зато мне меньше работать».

Он бережно приподнял Лин Шу за затылок, устраивая его поудобнее, и нежно шепнул на ухо:

— Ну как, Лин-дажэнь, сладок ли грех? Довольны ли вы своей покорной служанкой?

Лин Шу долго не мог прийти в себя. Наконец из темноты раздался его хриплый, прерывистый шепот:

— Ты... тебя зовут А-Хуа?

— Да, — тихо отозвался Ян Е. — А-Хуа. Та самая, из поговорки о ветреной деве.

Лин Шу тихо вздохнул:

— Раз уж всё так вышло... я не могу тебя бросить. Скажи, кто-нибудь составлял твой гороскоп «бацзы»? Твоя судьба тяжела для мужа?

Ян Е едва сдержал смех.

«Ну и чудак! Нашел время расспрашивать о звездах!»

Немного подумав и сообразив, что его личный гороскоп вряд ли сулит деве А-Хуа что-то хорошее, он соврал без тени сомнения:

— Моя судьба крепка, господин судья, но будущему мужу беды не принесет. Можете не опасаться.

— Вот и славно, — облегченно вздохнул Лин Шу. — В таком случае... уезжай со мной в Лоян, столицу Да Янь. У меня еще нет наложниц. Я испрошу дозволения у Его Величества и возьму тебя в жены.

Будь на месте Ян Е обычная девушка, от такого благородного предложения она наверняка бы лишилась чувств от счастья. Но для самого Ян Е эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли круги. Он рывком поднял голову и уставился на Лин Шу в полном онемении, не в силах вымолвить ни слова.

Лин Шу, не дождавшись ответа, тихо спросил:

— Ты против?

Ян Е торопливо затряс головой, приходя в себя:

— Нет, что вы... Просто... Господин судья действительно предлагает мне руку и сердце? На всю жизнь?

— Пожалуй, так, — бесхитростно ответил тот. — А как иначе? Я не силен в подобных делах.

Ян Е замялся, продолжая заикаться от неловкости:

— Но... моя внешность. Вас это не смущает? Вы ведь вельможа третьего ранга великой империи Да Янь, а я... я всего лишь...

Лин Шу прижал ладонь к его губам, обрывая лепет:

— Мне всё равно, как выглядит женщина.

На Ян Е накатило горькое, почти комичное отчаяние.

«Значит, тебе плевать на женскую красоту! Стоило мне надеть это нелепое платье, как ты готов вести меня под венец. А когда я предстал перед тобой во всем своем блеске и мужском великолепии, ты даже глядеть на меня не желал — только и думал, как бы посильнее ударить да придушить! Ладно, пусть так. Но неужели ты, любимчик Сына Неба, волен сам распоряжаться своей судьбой?»

Сдерживая душившую его досаду, он спросил:

— А твой драгоценный император? Разве он позволит тебе жениться на ком попало?

Лин Шу не заметил странной горечи в голосе собеседника. Некоторое время он молчал, сосредоточенно подбирая слова, а затем тихо ответил:

— Прежде Его Величество ни в чем мне не отказывал. Думаю, и теперь не станет возражать.

Но даже если он запретит мне брать официальную супругу, ты сможешь войти в мой дом наложницей. Другой жены мне не нужно, так что разницы нет.

Ян Е стиснул зубы.

— Хорошо. Сам это сказал, господин судья, а слово благородного мужа крепче кремня. Смотри не забудь, что пообещал сегодня! Ну а теперь... скажи, дурман от вина утих?

— Не знаю... — растерянно выдохнул Лин Шу.

— Позволь мне проверить.

Ян Е коснулся его разгоряченной кожи. Из груди Лин Шу вырвался тихий, сдавленный стон:

— Всё еще... горю... Тяжело.

— Всё еще тяжело? — лукаво шепнул Ян Е. — Что ж, раз ты твердо решил связать со мной жизнь и не брезгуешь моей скромной персоной... Как насчет того, чтобы испробовать кое-что новое?

С этими словами он поднялся на колени, мягко толкнул Лин Шу на шелковые простыни и без лишних церемоний навис сверху.

— Что... новое? — непонимающе пробормотал тот.

Ян Е прильнул губами к его уху:

— Мой дорогой супруг рожден для великих свершений. К чему забивать голову пустяками? Доверься мне.

Лин Шу растерянно охнул. Сквозь туман похоти пробилась смутная мысль, что всё происходящее выходит за рамки привычного, но разум, охваченный жаром сладострастия, отказывался служить. Голова кружилась, и он, точно в полузабытьи, покорно отдал себя во власть чужих рук. Однако стоило дурману рассеяться на краткий миг, как тело Лин Шу пробила крупная дрожь. Осознание обожгло его ледяной ясностью.

— Постой... Ты... Кто ты на самом деле?! — попытался вскрикнуть он, желая наконец понять, кто перед ним — мужчина или женщина.

Но договорить ему не дали. Ян Е властно заткнул ему рот глубоким поцелуем, лишая возможности спросить. Прежде чем Лин Шу успел опомниться, его тело захлестнула новая, еще более мощная волна блаженства. Искусный любовник не оставил ему ни единого шанса опомниться. Огненная лавина наслаждения накрыла Лин Шу с головой, окончательно лишая остатков воли и сил.

Ян Е, упивавшийся собственной властью и страстью, внезапно замер, почувствовав, что Лин Шу под ним затих. Встревожившись, он легонько похлопал его по щекам:

— Лин Шу? Лин Шу, что с тобой?

Тот не отзывался. Ян Е испуганно приник к его лицу, прислушиваясь к дыханию. Ровный, теплый поток воздуха коснулся его кожи — господин судья просто лишился чувств, не выдержав неистового накала страсти.

На мгновение в груди Ян Е шевельнулось странное, щемящее чувство, но раздумывать было некогда. Проведя рукой по влажным прядям Лин Шу, он тихо вздохнул:

— Ну и слабак же ты... Когда сердишься — рвешься в бой, а как доходит до ласк — сразу без чувств. И бросил меня на полпути. Ну уж нет, господин судья, я с тобой церемониться не стану. Раз уж начал, придется доводить дело до конца в одиночку.

Тихо звенела в ночи незримая пипа... Даже если судьба больше никогда не сведет их вместе, эту мимолетную нежность невозможно будет забыть.

Когда всё закончилось, Ян Е вновь зажег свечу. При тусклом мерцании огонька он долго вглядывался в лицо спящего Лин Шу. Длинные мокрые ресницы отбрасывали глубокие тени на бледные щеки, влажные пряди прилипли ко лбу. Ян Е бережно укрыл его легким одеялом, пальцами распутал и аккуратно разложил по подушке разметавшиеся волосы.

— Обещать верность до гроба на словах легко, — негромко прошептал он, грустно глядя на спящего. — Мне нужен залог. Хотя... если ты узнаешь, кто я, то непременно откажешься от своих слов. Обязательно предашь. Так пусть всё это останется лишь мимолетным сном, растаявшим без следа.

Он принялся искать в вещах Лин Шу хоть какую-нибудь безделушку, которую можно было бы забрать на память, но обыск ничего не дал. Тут Ян Е вспомнил, что суровый судья никогда не жаловал украшений и не носил при себе ничего лишнего.

Быстро одевшись, Ян Е подобрал оброненный на пол меч Чжэньбин. Извлекая клинок из ножен, он бережно срезал тонкую прядь с головы Лин Шу, спрятал её в расшитый шелковый мешочек и убрал за пазуху. Затем он в последний раз склонился над спящим, невесомо коснулся губами его щеки и бесшумной тенью выскользнул за дверь.

В коридоре по-прежнему царил безмолвие. Гвардейцы Ичжэнь словно сквозь землю провалились. Ян Е осторожно заглянул в соседние покои: девицы и помощник министра Цзин давно уgomонились, оттуда не доносилось ни звука. Не обнаружив там Бай Тинби, Ян Е юркнул обратно на галерею и спрятался за массивной колонной. Шли минуты. Вскоре он заметил странность: сицзяские стражники, до этого неусыпно патрулировавшие переходы, бесследно исчезли. Сердце Ян Е тревожно сжалось.

Вдруг в конце коридора мелькнул быстрый силуэт. По легкому, бесшумному шагу Ян Е сразу

узнал Бай Тинби.

Выждав нужный момент, он шагнул навстречу и ухватил юношу за плечо. Перепуганный Бай Тинби мгновенно развернулся, нанося резкий удар ребром ладони, но Ян Е ловко перехватил его руку.

— Свои! — приглушенно шепнул он, затаскивая спутника в густые заросли декоративного кустарника под галереей. — Ну что там? Рассказывай.

Плечи Бай Тинби мелко дрожали. Справившись с волнением, он прерывисто заговорил:

— Всё... очень плохо, маркиз. Действительно скверно. Я караулил у ворот, пока Цзинь Яжэнь наконец не поднялся с колен. Забрав письмо, он направился напрямик в свой кабинет, и я последовал за ним. Оказалось, помощник министра Цзинь вовсе не собирался развлекаться с девицами — он уже поджидал хозяина там. Цзинь во всеуслышание заявил, что это письмо — лишь уловка, чтобы пустить всем пыль в глаза, после чего они разорвали его в клочья. Мне удалось расслышать каждое слово их беседы. Наша империя Да Янь обязуется платить Сицзя ежегодную дань в течение десяти лет: по двести тысяч лянов серебра и двести тысяч рулонов шелка! Но и это еще не всё. Самое страшное — условие, которое выдвинул наш император. Он просит Цзинь Яжэня направить пятидесятитысячную конницу через Три заставы, чтобы ударить по войскам Чжао-вана с тыла и взять его в тиски. Снабжение войска Да Янь берет на себя. Главная цель — поскорее стереть мятежников в порошок. И Цзинь Яжэнь... согласился.

Не успел Бай Тинби договорить, как Ян Е мертвой хваткой вцепился ему в запястье. Юноша тихо вскрикнул от боли.

— Тварь! Мать твою, Ян Тао, чтоб твоих предков... — Ян Е осекся на полуслове, вовремя вспомнив, что у них с императором общие предки, и процедил сквозь зубы: — Ублюдок неблагодарный! Скажи, у Цзинь Яжэня действительно наберется пятьдесят тысяч всадников?

— Наберется, — кивнул Бай Тинби.

— Проклятый безумец! — взорвался Ян Е. — Даже если эти гады объединятся и разобьют нас, где гарантия, что сицзясцы потом уйдут? Это же чистой воды предательство, они сами выпускают волка в дом! Если Три заставы падут, империи конец! Чтоб тебя черти драли, Ян Тао! Быстрее, возвращаемся за заставу, нужно срочно предупредить наших. Промедление смерти подобно!

Они осторожно вылезли из кустов. Ян Е планировал подстеречь парочку сицзяских стражников, оглушить их и переодеться в их доспехи, чтобы беспрепятственно покинуть поместье. Однако, сколько бы они ни пробирались по темным углам и переходам, им не встретилось ни единой живой души.

Ян Е остановился и напряженно прислушался:

— Сяо Бай, дело дрянь. Здесь творится что-то неладное.

<http://bllate.org/book/19546/1998806>